



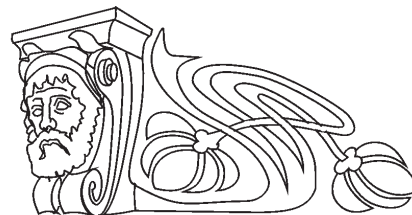
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 217–222

*Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 217–222

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-217-222>

Научная статья  
УДК 808.51+929Столыпин



## Риторическое мастерство П. А. Столыпина

А. Н. Байкулова ✉, Г. С. Куликова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, [allabay15@mail.ru](mailto:allabay15@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Куликова Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, [kulikova.gs@gmail.com](mailto:kulikova.gs@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-2609-4300>

**Аннотация.** В статье представлен риторический анализ опубликованных выступлений П. А. Столыпина, выдающегося государственного деятеля России начала XX в., в Государственной думе и Государственном совете в 1906–1911 гг. Анализ проявления наиболее значимых концептов «Россия», «власть», «закон», «право», «долг», «справедливость», к которым постоянно обращается оратор, позволил показать специфические черты его личности: патриотизм, вера в народ, одушевлённый православием, стремление к переменам, основанным на здравомыслии и точном расчёте, активность (частое употребление местоимения я со словами *должен*, *готов* и др.), решительность, твёрдость в решении государственных задач, в борьбе за отстаивание интересов России, как он их понимал, самокритичность, готовность нести ответственность за свои действия. Отмечены речевые факты, свидетельствующие о риторическом мастерстве П. А. Столыпина: забота об адресате, проявляющаяся в стремлении ясно, просто, в высшей степени аргументированно доносить мысль (стратегия предварительного разъяснения состояния дел), в диалогизации речей; уважение к оппонентам; чёткая структура выступлений, соединение в них разностилевых черт при особой роли высокого стиля; использование различных пластов и семантических полей лексических единиц, тропов, риторических приёмов (метафоры, эпитеты, повторы, ряды однородных членов, градация, риторические вопросы и обращения, прецедентные феномены и др.). Особое значение приобретает метафоричность речи: выявлены метафоры здания, болезни и выздоровления. Риторические элокутивные средства способствуют усилению воздействия на слушателей, их мотивации к принятию нужных решений. Наблюдается особое отношение П. А. Столыпина к слову, которое, с его точки зрения, должно быть правдивым, соответствовать делам, мыслям и чувствам.

**Ключевые слова:** русский язык, риторика, языковая личность, П. А. Столыпин

**Для цитирования:** Байкулова А. Н., Куликова Г. С. Риторическое мастерство П. А. Столыпина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 217–222. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-217-222>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

P. A. Stolypin's rhetorical skill

A. N. Baikulova ✉, G. S. Kulikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, [allabay15@mail.ru](mailto:allabay15@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Galina S. Kulikova, [kulikova.gs@gmail.com](mailto:kulikova.gs@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-2609-4300>

**Abstract.** The article presents a rhetorical analysis of published speeches of P. A. Stolypin, an outstanding statesman of Russia of the beginning of the 20<sup>th</sup> century, which were presented in the State Duma and the State Council in 1906–1911. An analysis of the manifestation of the most significant concepts of “Russia”, “power”, “law”, “right”, “duty”, “justice”, which the speaker constantly refers to, made it possible to show the specific features of his personality: patriotism, faith in people, inspiration by Orthodoxy, the desire for change based on sanity and precise calculation, activity (frequent use of the pronoun I with the words must, ready, etc.), decisiveness, firmness in solving state problems, in the struggle to defend the interests of Russia, as he understood them, self-criticism, willingness to take responsibility for his actions. Speech facts that testify to the rhetorical skill of P. A. Stolypin are noted: his concern for the addressee, manifested in the desire to clearly, simply, eminently argue the idea (the strategy of preliminary clarification of the state of affairs), in the dialoguization of speeches; respect for opponents; a clear structure of speeches, a combination of different styles in them with a special role of high style; the use of various layers and semantic fields of lexical units, tropes, rhetorical devices (metaphors, epithets, repetitions, series of homogeneous members, gradation, rhetorical questions and appeals, precedent phenomena, etc.). Of particular importance is the metaphorical nature of speech:



the metaphors of the building, illness and recovery are revealed. Rhetorical elocutionary means increase the impact on the listeners, their motivation to make the right decisions. P. A. Stolypin's special attitude to the word can be seen, which, from his point of view, should be truthful, correspond to actions, thoughts and feelings.

**Keywords:** Russian language, rhetoric, linguistic personality, P. A. Stolypin

**For citation:** Baikulova A. N., Kulikova G. S. P. A. Stolypin's rhetorical skill. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 217–222 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-217-222>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Языковая личность П. А. Столыпина – государственного деятеля начала XX в., реформатора, который видел свою цель в том, чтобы Россия была великой, – привлекает внимание многих современных исследователей, в том числе и лингвистов, о чём свидетельствуют кандидатские диссертации А. С. Яковлевой «Категория оценки в публичных политических речах П. А. Столыпина и Отто фон Бисмарка» [1], О. И. Шарафутдиновой «Речевые средства создания образа ратора в политическом дискурсе: динамический аспект» [2], отдельные статьи (см.: [3.] и др.).

О чём бы ни говорил П. А. Столыпин в своих выступлениях, образ родной страны становится для него центральным. Концепт Россия в речах Столыпина 1906–1911 гг. рассмотрен В. В. Макаровой [3]. Исследователь выделила и классифицировала микроконтексты со словоформами лексемы *Россия*. Результаты её наблюдений показали, что Россия предстаёт как персонифицированный активный или пассивный **субъект действия** (*Россия переживает, выйдет преуменьшенной, перенесла, была подведена* и др.); как **объект действия**, который подвергается опасности, угрозам и нуждается в защите, охране, спасении; как **обладатель чего-либо** (флота, вооружённых сил, пространств, истории, прошлого и будущего, традиций, чести, достоинства, державных прав и др.); как **местоположение** (*в России, в центре России* и др.).

В. В. Макарова обращает внимание на синонимы к слову *Россия* (*земля наша, Царь, родина* и др.), оценочную лексику (*крепкая, новая, обнищавшая, истощённая* и др.) и метафоры (метафора болезни и метафора здания), дополняющие образ страны: *выздоровливающую Россию подкрасить румянами, <...> в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить <...> кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей* и др.). Однако автор считает, что исчерпывающего ответа на вопрос, какая Россия в картине мира Столыпина, пока не дано.

На наш взгляд, важно обратить внимание и на контекст, в котором употребляются слова *Россия, государство, отечество, держава, родная земля*.

Славу и могущество России П. А. Столыпин связывал с православием: «Государство же и в пределах новых положений не может отойти от

заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих **русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли**» (здесь и далее выделено нами. – *Авт.*) [4, с. 24–25]. Словосочетания *заветы истории, одушевляется именем Православия* создают впечатление фундамента того здания, которое Столыпину хотелось видеть: «здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России» [4, с. 98]. Лексемы *слава, могущество, свобода, преданность* (государю), а также идеи обновления и процветания отражают ценностные ориентиры П. А. Столыпина, его стремление не только видеть такой родную страну, но и готовность всё сделать для этого. Он убеждён в том, что «Россия не развалится <...> она обновится, улучшит свой уклад, пойдёт вперёд, но путём разложения не пойдёт <...>» [4, с. 54]. Антитезой звучат слова *нищета, невежество, бесправие*.

**Мысли о будущем России** в речах П. А. Столыпина неразрывно связаны с утверждением права. Сильное государство то, где правят закон и справедливость: «...отечество наше должно превратиться в государство правовое» [4, с. 23]. Столыпин ратовал за «твердые устои новоскладающейся государственной жизни России» [4, с. 23], возрождение армии и флота.

В речах политического деятеля звучит **идея сохранения России как государства, сбережения её народа**. Интересными представляются чёткие, выверенные определения понятий «власть», «правительство», «обязанности правительства»: «Власть не может считаться целью. Власть – это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; Правительство – аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона; обязанность правительства – святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ» [4, с. 14]. Существительные *охранение, спокойствие, по-*



рядок, закон, законность, долг, свобода, труд, жизнь, порядок, реформы способны убеждать и вселять уверенность в правоте оратора.

В речи 8 июня 1906 г. (о Щербаче) обращает на себя внимание регулярное употребление Столыпиним местоимения я с глаголами действия. Оратор использует категорический императив: я должен, мне надлежит, я могу / должен ответить / показать, я приложил все усилия, я заявляю, я не отрицаю, я могу и хочу сделать, я не могу признать, я не скрывал, я нахожу (считаю), я (не) отрицаю. В этом проявляются его личностные качества: он предстаёт перед собранием как человек, готовый принимать решения и нести ответственность за них.

Следует отметить и то, что говорил Столыпин **о языке власти**: «Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду» [5]; «Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть осуществлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам <...>» [4, с. 70]. Пафос этих высказываний носит национально-специфичный характер: меньше слов – больше дела; добродетель, а не злоба и ненависть; ценность слова в том, что оно искренно и заставляет биться сердца, слова не должны быть пустыми, в них должна быть отражена мысль.

Риторические элокутивные средства, использованные в речах Петра Аркадьевича Столыпина, способствуют созданию стилистически высокой тональности многих принадлежащих ему текстов. К тропам, наиболее характерным для авторской манеры оратора, следует отнести метафоры, причем в основном связанные с темой России. Как было сказано ранее, В. В. Макарова выделяет наиболее характерные понятия, которые выступают в качестве основы столыпинских метафор: здание («здание обновленной России») и состояние здоровья, или, по словам В. В. Макаровой, медицинская метафора («выздоровливающая Россия»; «путь исцеления России») [3, с. 213].

Эти метафоры очень важны для авторского стиля Столыпина и присутствуют в ряде его речей. При этом медицинская метафора развивается и обогащается дополнительными смысловыми оттенками, которые передают потенциал возможностей «выздоровления», имеющихся у самого народа. Например, в речи в Государственной думе о сооружении Амурской железной дороги

от 31 марта 1908 г. говорится о «процессе самоизлечения». Излечение России в его речах всегда представлено как дело государственной и национальной ответственности: «Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить **израненную родину** нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу **зарубцевания всех нанесенных ей ран**, то наиболее отдаленные, **наиболее истерзанные части ее**, раньше чем окрепнет центр, могут, **как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться**. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы» [4, с. 78]. Обращает на себя внимание забота о будущих поколениях: мысль о том, что за все упущения придёт отвечать перед потомками. Градация: *пали духом, впали в бездействие, впали в какую-то старческую беспомощность, утратили веру в русский народ, в его жизненные силы* – свидетельствует о способности Столыпина критически оценивать происходящее. На вершине перечисления как самое большое зло – утрата веры в народ, к которому принадлежишь. Вместе с тем следует отметить, что пафос этих речей в соединении с идеей жертвенности, а значит, и осознанием сложности реализации поставленных задач носит оптимистический характер, исполненный уверенности в исцелении, выздоровлении, обновлении страны.

Для усиления речевого воздействия П. А. Столыпин прибегает к использованию цепочек однородных членов предложения: «...правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости <...>» [4, с. 72], при этом они играют заметную роль и в ритмической организации текста. Впрочем, однородные члены, их перечисление, часто выполняют в речах Петра Аркадьевича и другую функцию: они придают фактическую точность рассуждению, иллюстрируют мысль конкретными данными: «Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший **урожай кукурузы, бахчи арбузов и дынь**; область эта вполне пригодна **для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей**» [4, с. 77].

Структура речи и характер аргументации в выступлениях П. А. Столыпина обусловлены праг-



матической задачей: не только внятно изложить свою позицию, но обязательно убедить аудиторию и пробудить мысль слушающих, сделать их участниками, сотворцами развития высказанной идеи, что, безусловно, в высшей степени соответствует принципам ораторики.

Выступления Петра Аркадьевича отличает четкое структурирование речи, вербализация переходов от одной идеи к другой: «Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России; Приведу еще одно соображение» [4, с. 72]. Может быть выделена последовательность речевых действий, которая облегчает восприятие сказанного и усиливает эффективность речи: «Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников» [4, с. 71]; «Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание» [4, с. 78]. Стремление к полноте, логичности, последовательности изложения, его упорядоченности, подчеркиванию причинно-следственных связей воспринимается как результат глубокого погружения в тему и отражения той энергии действия, которая характерна для Столыпина как государственного деятеля.

В зачине речи обычно проявляется забота докладчика о понимании слушателями его выступления, об осведомленности аудитории, например: «я ... считаю необходимым **с возможною полнотою и ясностью** представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений <...>» [4, с. 23]. Важно, что при этом реализуется стратегия предварительного разъяснения состояния дел: «В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается. Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения» [4, с. 23]. Здесь также для усиления воздействия используется смысловая модель «сопоставление» в части «противопоставление», когда членами противопоставления становятся *страна с установившимся правительственным строем* и *страна, находящаяся в периоде перестройки*.

Изложение собственной позиции Петр Аркадьевич начинает с подготовки аудитории к

ее восприятию. Важным элементом структуры столыпинской речи является установка на разъяснение доводов противников (*позвольте мне обратиться к доводам моих противников*). Далее следует подробный анализ этих доводов, в ходе которого говорящий старается представить *полную картину возражений* (как он сам это обозначает в речи). Рассматривая доводы противников, П. А. Столыпин убедительно показывает, что у них есть своя мотивация и своя логика, чем опосредованно выражает уважение к оппоненту и его позиции.

Образ оппонента, который присутствует в речах Столыпина, свидетельствует о высокой культуре дискуссии, свойственной речам Петра Аркадьевича. Здесь не место «навешиванию ярлыков» и «палочной» тактике, которую мы нередко наблюдаем в современных телевизионных спорах. Отстаивая позицию правительства, уважая тех, кто высказывает противоположную точку зрения, П. А. Столыпин умело использует возможности двусторонней аргументации, позволяющей учесть уже высказанные и предвидеть возможные возражения. Покажем это на примере речи о сооружении Амурской железной дороги:

«Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что **многое из того, что тут говорилось, соответствует правде**, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, **может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться**, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса» [4, с. 72]. Признавая частичную правоту оппонентов (многое, по его словам, соответствует правде), оратор даже приводит ряд аргументов, которые являются основанием для его противников («ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить»), высказывающих противоположную точку зрения по обсуждаемому вопросу. Столыпин демонстрирует этим, что ему хорошо известны и учтены контраргументы противоположной стороны.

И далее оратор обращается к прецедентной ситуации, уместно цитируя Д. И. Менделеева: «Говоря о видимых явлениях природы, знамени-



тый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. **”Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, – говорил Менделеев, – что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде”**. Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?» [4, с. 72]. Слова *правда, истина, пытливый ум* способствуют тому, чтобы адресат встал на точку зрения ратора.

Опровергая аргументы оппонентов, объясняя позицию правительства, Столыпин продолжает настойчиво мотивировать слушателей: «Большинство думских партий находит, что у правительства **не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы**, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия <...>. Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны» [4, с. 72]. Для этого им используется приём градации (*не было плана, мысли, нравственной побудительной силы*).

Значительную роль в диалогизации дискурса и реализации идеи совместности, объединении оратора и аудитории играют риторические вопросы и обращения: «...господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями?» [4, с. 74]; «Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?» [4, с. 76].

Широко известна афористичность речи П. А. Столыпина. Подчеркнём, что лапидарность его речей придает им значительность, как и смысл обобщающих высказываний, имеющих отношение к ответственности граждан за свою страну – исключительно важному для оратора понятию: «Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является **не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность**» [4, с. 76]. Неслучайно после этих слов справа и из центра зала раздались возгласы *Браво!* Подобные высказывания часто завершают рассуждения, которые имеют подчеркнuto конкретный характер. В речи об Амурской дороге сначала говорится о выборе места, пункта для начала её строительства, его природных, климатических условиях, а в завершение звучат

слова, претендующие на то, чтобы стать крылатыми выражениями: «Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие» [4, с. 77].

Специфичная черта выступлений А. П. Столыпина заключается в том, что подчеркнутая конкретика сочетается в его выступлениях с более абстрактной и в то же время книжной, стилистически высокой речью. Поэтому нельзя не обратить внимания и на то, что разным по теме и цели высказывания фрагментам речей соответствует уместное использование стилистически окрашенной лексики: разговорной (*неурядица, излишки, постройка*) и высокой (*разнозвучие, новоскладывающаяся государственная жизнь, сооружение*). Забота о населении обычно бывает выражена в конкретных по своему смыслу доводах: «Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил. Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно» [4, с. 75]. Обоснование строительства дороги вдоль годной для переселения земли в соответствии с нерчинским вариантом аргументируется насущными для переселенцев удобствами, прежде всего подступом к самой колее. Характер изложения в этом случае предельно прост и конкретен, лишен каких-либо «украшений речи».

Когда же суть вопроса изложена предельно конкретно, что является опорой аргументации, следует обращение к патриотическим чувствам, где применяются образные средства, и это стилистически меняет характер рассуждения: «Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что **Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры... (рукоплескания справа и из центра); эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию**» [4, с. 77–78].

Созвучно этому и стилистически высокое заключение: «Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому



орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью <...>. Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России. Ваше решение одно даст возможность найти и средства на посильных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово – произнесите» [4, с. 78–79].

Возвышенность речи придают: обращенность к истории (использование прецедентного имени – *наследие Византии*); метафорическое описание символа государственной власти и состояния страны (двуглавый русский орёл, расшатанное государственное тело, железный обруч средств); эпитеты (*тягостные минуты, разумная плодотворная работа*); повторы (*одна, одно; нужно ваше единодушное решение, нужно ваше единодушное слово*) и в заключение выразительное *произнесите* как краткое и четкое требование немедленных действий. Важно обратить внимание и на использование в процитированном фрагменте местоимения я с модальными словами: *я уверен, я убежден*. Уверенность и убежденность, основанные на доказательствах, точных расчетах, опоре на правовые нормы и нравственные законы, – это то, что проходит красной нитью через все выступления П. А. Столыпина.

Можно сделать вывод, что выступления выдающегося государственного деятеля свидетельствуют о его высоком риторическом мастер-

стве, которое проявляется в создании смысловой организации текста, точном выборе элокутивных средств, а также в диалогичности его монологов и проявляющейся заботе об адресате, учете возможных возражений. При этом сами условия коммуникации – разнородность позиций оппонентов и острота политической борьбы – во многом определяют характер стратегий, используемых оратором. В целом совершенно неформальный, хорошо продуманный и четко организованный подход к изложению своей позиции и фактического материала в речах П. А. Столыпина воспринимается как проявление заботы о понимании аудиторией сущности излагаемого вопроса, что должно увеличить силу воздействия сказанного. Представленные коммуникативные приемы служат и воспитанию гражданского общества, так как передают этос и пафос выступления: деятельный патриотизм, выраженный в намерении и готовности реформировать, преобразовать, улучшить жизнь в России.

#### Список литературы

1. Яковлева А. С. Категория оценки в публичных политических речах П. А. Столыпина и Отто фон Бисмарка : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. 309 с.
2. Шарафутдинова О. И. Речевые средства создания образа ратора в политическом дискурсе : динамический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 287 с.
3. Макарова В. В. Риторический портрет П. А. Столыпина : образ России в речах 1906–1911 годов // Научный диалог. Филология. 2012. Вып. 8. С. 208–215.
4. Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М. : Изд-е Государственной Думы, 2012. 228 с.
5. Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. [http://www.hrono.ru/libris/lib\\_b/bok47.html](http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bok47.html) (дата обращения: 01.02.2022).

Поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022  
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022